

Олег Рогов

Холодный свет, неназванный и веющий
растерянно нашаривает вещи
и снова опускает в темноту,
ты бережно в ладонях держишь воду,
как в рукаве крапленую колоду,
как слово иностранное во рту.

И вьется на скрипящей карусели
взлетающий по лезвию метели
истории легчайший серпантин,
и ночь мерцает в воздухе открытом,
и все звучит и хочет быть забытым,
и зеркалом становится моим.

— А я искал в невыверенных списках,
в поэмах, мемуарах и записках
чужого слова благодатный мед,
но находил фигуры умолчанья,
и палимпсестов тайного звучанья
неведомый и радостный полет.

И спит во мне, дневному сну внимая,
мой Ка, мой дзанни, тень моя немая,
но вписанная в первую строку, —
но даже там, в преддверии затакта
мы скованы условием контракта,
который я нарушить не смогу.

— И это ночь в чужом далеком доме,
где нет меня, где нет ни звука, кроме
в копилку эха брошенного сна —
и тишина встревожена ударом,
и влага сна бессоницы пожаром
отражена.

и мы поедем на дрезине

Д.Х.

о как мало москвы в этом сумраке малом и ртутном,
в теплом шепоте поезда, там, в подземелье пустом,
где глотаешь куски охлажденного воздуха утром
и ночами тугими сжимаешь себя перед сном.

остановленный взгляд - это слова прямая улица.
город спит на равнине огромных домов без дверей,
повторяя прохожих в часы петушиного крика,
словно точка отсчета размыта как цепь фонарей.

в темноте музыкальны квадратные желтые пятна,
и пьянящий мотив пропускает себя через сон,
и на стыках вагон шелестит..и блуждают невнятно
в створках треснувших губ апельсины, сахара, вишни

||||||

начиная с себя я живу это жарко затем,
что пустые деревья руками вгрызаются в скалы,
что спрессована пыль в этом сумраке ртутном и малом,
и в воде есть вода и она не открыта никем.

называя с конца я смотрю эту рощу дотла,
словно пробую силы в какой-нибудь каменной вере,
и мой голос густой этим воздухом длинным проверен,
и у сфинкса во рту есть зеркальный кусочек стекла.

и в системе чужой так бессмысленна схема моя,
что я прячу концы в незнакомую древнюю воду,
и миманс напряженный диктует вам новую моду
бутафорского счастья в агатовой мгле забытья.

||||||

Не то, что щкатулка резная, не то,
что роскошь дыхания вписано в левой
ладони когда-то слепой королевой,
ловившей снежинки в свое решето.

Но формула снега забыта. Зато
запаянны в зеркале труп скарабея
красавице томной подносит робея
стареющий мальчик в железном пальто.

И мухи снежинок ползаут по руке,
и линию жизни иглой продолжая,
ты плачешь, глазами себя провожая
как женскую рифму в забытой строке.

И дерево в мокром седом парике
махает на прощанье пустою перчаткой,
и видит себя на поверхности гладкой
души, уходящая вниз по реке.

//////////

цыганской церкви брошенный алтарь.
звезда морей, холодная мария —
как тусклый нерешительный фонарь
печально смотрит в стекла лобовые.
автомобиля, вдавленного в столб, —
и дождь и пыль. и в зеркале бетонном
сквозь щель в стене отряхивает лоб
от темноты китайская мадонна

С.В.Кековой

Когда горит промасленная ветошь
чужой зари, встающей из-за гор,
стирает Бог с большого неба ретушь
и смотрит вниз, нацеливая взор.

Что видит Он на площади парадной,
где разместился пыльный балаган
марионеток в хаки маскарадных
и пьяный взвод беспаспортных цыган?

А человек, что отбыл в Галилею,
проходит над смущенной водой,
и слышится слабее и слабее
то лай собак, то флейт наемных вой.

О.А.Седаковой

И дом опустевший, и сад молодой —
все брошено как золотая монета —
в глубокую воду прохладного лета, —
ночная дорога лежит пред тобой.
И кланялись ветви, и серые птицы
из мглы поднимали прекрасные лица,
тебя провожая сквозь сумрак сквозной.

И если тропинка, шурша сквозь кусты,
раздвоится вдруг — ты попросишь совета
не как указания или ответа,
но как подтвержденья своей правоты —
качая лучи отраженного света
сверкает роса на шиповнике — это
зnamенье того, что замечен и ты.

Не знаю пути, где отыщут меня —
но лес многоокий, где скачут олени
и тот человек, перед кем под колени
метнется сейчас же сырая земля...

|||||